

Елена Первушина
**СУДЬБА
РОССИЙСКИХ
ПРИНЦЕСС**

ОТ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ ДО ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
АНАСТАСИИ

Елена Владимировна Первушина

Судьба российских принцесс.

От царевны Софьи до

великой княжны Анастасии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24508395

*Судьба российских принцесс. От царевны Софьи до великой княжны Анастасии. / Первушина Е.В. – М.: Центрполиграф, 2017. – 383 с.:
Издательство К. Тублина; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07536-9*

Аннотация

Сказочные царевны живут в высоких башнях и ждут своих женихов, которые совершат в их честь великие подвиги и с которыми они будут жить-поживать да добра наживать. А как живут настоящие царевны? Они близки к высшей власти, но сами почти никогда не обладают этой властью. Они не могут решать свою судьбу, и знают это с молодых ногтей. Более того, они не могут доверять никому. Любое проявление симпатии к ним может быть не искренним, а лишь попыткой подольститься или частью хитрого плана. Они могут только надеяться на то, что их друзья – настоящие друзья и что если они будут очень добрыми, внимательными и щедрыми, то не наживут себе врагов. Бывают

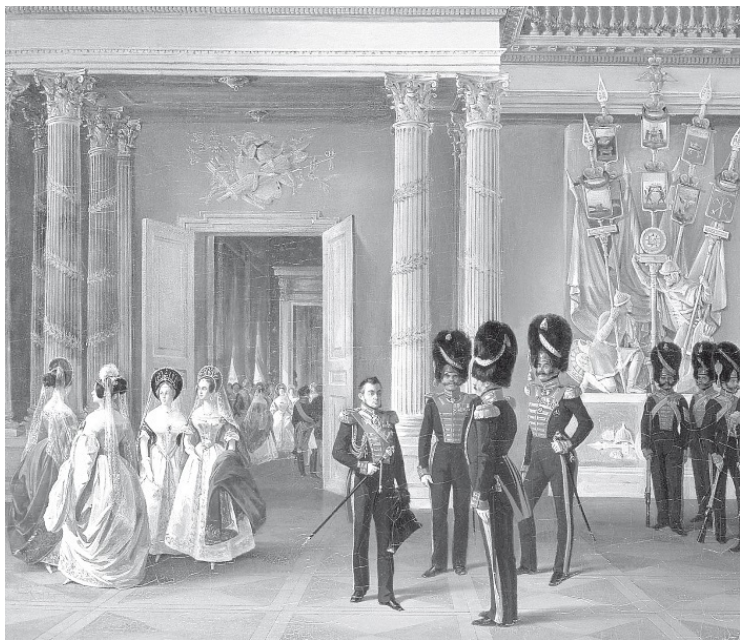
ли они счастливы? Стоит ли им завидовать? Ответ на эти вопросы вы, может быть, найдете, когда прочтете эту книгу.

Содержание

Предисловие	8
Глава I	11
Софья – сестра и соперница	15
Московские царевны и поездка в Парадиз	37
Сестра и единомышленница	50
Невеста для наследника	55
Петербургские царевны	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Елена Первушина Судьба российских принцесс. От царевны Софьи до великой княжны Анастасии

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Принцессы и царевны – сказочные существа. Они всегда молоды и прекрасны. У них по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, а на каждой волосинке по жемчужинке. Они живут в золотом, серебряном и медном царствах или в высоких башнях на горе, и их суженые – иногда Иваны-царевичи, а иногда Иваны-дураки – должны допрыгнуть на своем коне до окна этих башен. И главное, разумеется, их суженые сразу влюбляются в них с первого взгляда, а бывает, даже не видя, – по одному золотому волоску, совершают удивительные подвиги в их честь, находят, спасают от драконов и чудовищ, увозят в свое королевство, где они живут долго и счастливо в любви и согласии.

Из всего этого разве что башня является правдой. Действительно, принцессы или царевны с детства окружены

невидимой преградой, которая отделяет их от всех смертных. Они близки к высшей власти в монархических государствах, но сами почти никогда не обладают этой властью. Они не могут решать свою судьбу и знают это с молодых ногтей. Более того, они не могут доверять никому. Любое появление симпатии к ним может быть не искренним, а лишь попыткой подольститься или частью хитрого плана. Они могут только надеяться на то, что их друзья – настоящие друзья, и что если они будут очень добрыми, внимательными и щедрыми, то не наживут себе врагов.

Их браки – это союзы двух стран, а не двух людей. В их семейной жизни, даже если в ней каким-то чудом зародилась настоящая любовь, много показного, нарочитого. Современные кинозвезды жалуются, что им приходится проводить жизнь «под прицелом телекамер». Во времена, когда жили наши героини, телекамер не было, но жить «под прицелом» десятков и тысяч внимательных глаз, а то и стен, ничуть не легче.

Порой им грозит настоящая опасность. На них объявляют охоту, и им приходится «замыкаться во дворце», окружая себя стеной охранников, что только усиливает ненависть к ним. Люди будут придирчиво пересчитывать количество их платьев, выяснять цены на их украшения и считать, сколько крестьянских семей могли бы кормиться на эти деньги в год, выяснять меню их обедов и обсуждать количество «ананасов и рябчиков», поданных к столу. Но даже если они станут

вести нарочито скромную и добродетельную жизнь, это не обязательно спасет их от ненависти или даже от смерти.

Да есть ли вообще в их жизни что-то, что может послужить поводом для зависти, о чем можно мечтать и чего можно желать себе? Это вы решите сами, когда прочтете эту книгу.

Глава I

Женщины вокруг Петра I

Великолепный и грозный Петр I, царь-реформатор, имевший столь же много верных друзей, сколько и яростных врагов, человек огромного роста и силы, словно сама природа готовила его к исполнению тех задач, что по плечу лишь титану, тот, кто, по словам Пушкина, «Россию поднял на дыбы», последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский, скончался в возрасте пятидесяти трех лет от тяжелой простуды, осложнившейся почечнокаменной болезнью и уремией. Он простудился во время морского путешествия, когда по пояс в холодной воде спасал севший на мель возле Лахты бот с солдатами.

Похороны императора – это политический акт, все детали церемониала исполнены особого значения. Еще 27 янва-

ря (7 февраля), когда Петр был при смерти, помилованы все преступники, осужденные на смерть или каторгу (исключая убийц и уличенных в неоднократном разбое). В течение месяца (весь февраль и первые десять дней марта) гроб с телом Петра находится в большом зале дома Апраксина на набережной Невы, рядом с Зимним домом, где император провел последние дни (в самом Зимнем доме не было достаточно большого зала, который вместил бы толпу петербуржцев, пришедших попрощаться со своим повелителем).

10 марта 1725 года тело императора отправляется в последнее путешествие – к не освященному еще Петропавловскому собору, где для этого специально построили небольшую деревянную церковь, в ней под балдахином разместили катафалк с гробами императора и его дочери Натальи, умершей 4 марта. Друг и сподвижник Петра, вице-председатель Священного синода, знаменитый просветитель и философ Феофан Прокопович произнес на его похоронах речь, а позже составил документ, озаглавленный «Краткая повесть о смерти Петра Великого».

Описывая катафалк, на котором везли царя, Прокопович отмечает: «За гробом императорским следовала плачущая государыня, ея императорское величество, в печальном платье, с закрытым лицом черною матернею, весьма изнемогающая от печали и болезни. При ея величестве ассистенты были два из сенаторов первейшие. Высокая же ея величества фамилия подобным образом, в таком же платье, за

ея величеством следовала таковым порядком: в первом месте по августейшей матери шла дочь ея величества, государыня цесаревна Анна; во втором другая дочь, государыня цесаревна Елисавет; в третьем его императорского величества племянница, государыня царевна Екатерина, герцогиня Мекленбургская; в четвертом другая ея величества племянница, государыня царевна Параскевия (сестра их высочеств царевна Анна, герцогиня Курляндская, в Санкт-Петербурге не была в то время); в пятом месте шла Мария, в шестом сестра ея Анна, Нарышкины девицы; в седьмом шел его королевское высочество Кароль герцог Голштинский, в то время жених государыни Анны цесаревны; в осьмом его высочество Петр, великий князь; по нем шли господа Александр и Иоанн Нарышкины, а великая княжна Наталия Алексеевна за приключившейся немощию не присутствовала. По сих следовали сенаторские, княжеские, графские и баронские жены, а также и прочие шляхетства знатнейшего и долгую процессии часть составили».

Вряд ли читатель знает, кто все эти женщины, если, конечно, он не профессиональный историк. Нам привычно видеть Петра в мужской компании: вот он в плотницкой рубашке курит трубку и пьет пиво в компании голландских шкиперов, вот в мундире бомбардира развлекается с другими офицерами, вот:

...он промчался пред полками,

*Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.*

И все же за гробом царя идут не «птенцы гнезда Петрова», а его семья – шесть женщин. Седьмая горюет дома. Гроб восьмой – дочери Натальи, умершей незадолго до Петра, – едет на том же катафалке. Еще пятеро: царевны Екатерина, Наталья и Маргарита, царица Марфа, вдова царя Федора Алексеевича, и принцесса Шарлотта Христиана София, супруга царевича Алексея, уже похоронены в Петропавловском соборе. И с тем, кем были эти женщины, какую роль сыграли они в жизни Петра и в истории России нам и предстоит разобраться в этой главе.

Софья – сестра и соперница

В 1676 году Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим вовсе не за то, что был смирен и кроток со всеми, а потому что во время его правления в стране царил мир, умер. На престол вступил 14-летний царевич Федор, сын Марии Милославской. Разумеется, при дворе сразу же сформировались две партии: одна поддерживала Милославских, вторая – Нарышкиных, родственников второй жены царя, 25-летней красавицы Натальи Нарышкиной. Наталья Кирилловна с детьми – сыном Петром и дочерьми Натальей и Феодорой – жила в Преображенском и не показывалась в Москве.

Алексей Михайлович

Н.К. Нарышкина

Софья – шестой ребенок и четвертая дочь среди шестнадцати детей Алексея Михайловича и его первой жены – Марии Ильиничны Милославской. Как все московские царевны, в юности она была затворницей и ее очень редко видели на людях. В свое время Наталья Кирилловна изумляла московский люд тем, что, «проезжая первый раз посреди народа, только открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку». Но Наталья Кирилловна в то время была царицей и любимицей царя, да к тому же получи-

ла в доме своего покровителя – боярина Артамона Матвеева и его жены – шотландки Марии Гамильтон, – воспитание, которое можно назвать скорее европейским, чем русским. «Впрочем, – как продолжает хронист, – когда ей объяснили это, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью».

Царевна Софья

И тем не менее еще до знакомства с Нарышкиной Алексей Михайлович изменил кое-что в воспитании своих дочерей. «Терем московских царевен раскрыл свои двери для муж-

чин, – пишет историк М. Помяловский. – В числе первых, проникших в эти запретные прежде покои, был известный Симеон Полоцкий. Он давал уроки царским дочерям, и Софья была одной из усерднейших его учениц».

Симеон Полоцкий – сподвижник Алексея Михайловича, один из образованнейших людей своего времени, духовный писатель, проповедник, богослов, поэт, драматург, переводчик и придворный астролог. Именно ему поручил Алексей Михайлович давать уроки своим дочерям.

Софья, которой очень подходило ее имя, была умницей, но совсем не красавицей: невысокого роста, плотного сложения, с непропорционально большой головой, но даже ее враги признавали, что она «дева великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная».

В.В. Голицын

В юности царевна познакомилась с красавцем князем Василием Васильевичем Голицыным. Вероятно, он произвел на нее сильное впечатление, да и не мудрено: этот человек умел производить впечатление и не только на робких московских барышень. Сергей Михайлович Соловьев приводит такой отзыв об этом человеке, сделанный французским посланником де ла Нёвиллем: «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италийанского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую

император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе».

В записках де ла Нёвилля есть и такие слова: «Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он хорошо говорит по-латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам он не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей, по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе».

В письмах царевна звала его «свет братцем Васенькой», «светом батюшкою, душою своею, сердцем своим», а однажды собственноручно сделала такую надпись на его портрете:

*«Камо бежиши, воин избранный,
Многажды славне честию венчанный!
Трудов сицевых и воинской брани,
Вечно ты славы дотекые, престани.
Не тью но образ Князя преславнаго*

*Во всяких странах, zde начертанного,
Отныне будет славою сияти,
Честъ Голицынов везде прославляти».*

Ухаживая за постоянно болеющим братом Федором, Софья, по словам Николая Ивановича Костомарова, «приучила бояр, являвшихся к царю, к своему присутствию, сама привыкла прислушиваться к разговорам о государственных делах и, вероятно, до известной степени уже участвовала в них при своем передовом уме». Она понимала, что царю долго не прожить и что после его смерти мачеха и ее семья попробуют захватить власть. И Софья была готова дать отпор.

* * *

Царь Федор правил 7 лет и показал себя рассудительным и деятельным юношей, подающим большие надежды, которым, однако, не суждено было воплотиться в реальность. После смерти Федора Алексеевича обострилось соперничество между политическими партиями Милославских и Нарышкиных. Из многочисленных детей от двух браков Алексея Михайловича ближайшими претендентами на престол теперь стали: 15-летний Иоанн (или Иван), сын

Марии Милославский, и 10-летний Петр, сын Натальи Нарышкиной. Об Иоанне говорили, что он страдает эпилепсией и слабоумием. «Иоанну можно было поставить в упрек его

слабоумие, Петру – его молодость: но последний недостаток с годами проходит, тогда как первый лишь усиливается», – пишет Помяловский. В итоге Нарышкиным удалось венчать на царство Петра.

Софья понимала, что сейчас решается ее судьба и судьба ее сестер и братьев, и действовала решительно. В день похорон Феодора, она, вопреки всем обычаям и приличиям, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не только это! Громко плача, царевна объявила, что царя Феодора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иваном, а позволить им уехать за границу. «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов, – причитала Софья. – Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни бабушки, ни ма-тушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...» Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

Сторонники Милославских тоже не дремали. Они подняли московских стрельцов, те 15 (25 мая) 1682 года явились к Кремлю с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Наталья Кирилловна, пытаясь успокоить их, вышла на Красное крыльцо вместе с патриархом, боярами, царем Петром и царевичем Иоанном. Однако это не усмирило восставших. Были убиты Артамон Матвеев и Михаил Долгору-

ков, два брата царицы и другие ее сторонники. Царица смогла спрятать царевичей в задних комнатах дворца, вероятнее всего, это стало одним из самых страшных воспоминаний юного Петра, в тот день он научился не доверять московским боярам и стал стремиться избегать их. Позже он жестоко отомстит стрельцам и своей сестре.

А пока стрельцы настаивали на том, чтобы оба царевича были провозглашены царями, а Софья – регентшей при них. «Нельзя ее обвинять в создании стрелецкого мятежа, но трудно было бы ждать от нее, чтобы она этим мятежом в своих видах не воспользовалась», – замечает биограф Софьи.

В конце концов, после множества убийств и бесчинств, которые совершали стрельцы, «добиваясь справедливости», нашли компромисс, который хотя бы на словах примирил обе враждующие партии. Царями провозгласили сыновей покойного государя от обоих браков – Ивана («старший» царь) и Петра («младший»).

Как регентша при малолетних братьях, Софья, «по многом отрицании, согласно прошению братии своей, великих государей, склоняясь к благословению святейшего патриарха и всего священного собора, призирая милостивно на челобитие бояр, думных людей и всего всенародного множества людей всяких чинов Московского государства, изволила восприять правление...». Царевна должна сидеть с боярами в палате, выслушивать доклады думных людей о государственных делах, и ее имя будет стоять во всех указах рядом

с именами царей.

Равновесие, однако, оказалось неустойчивым: Наталья Кирилловна понимала, как выгодна была бы сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, и берегла их пуще собственного глаза. Неслучайно политические противники прозвали царицу «медведицей».

Регентша немедленно сформировала свой «кабинет министров», раздавая государственные посты своим приближенным: боярам князьям В.В. Голицыну, И.М. Милославскому, И.Б. Троекурову, В.С. Волынскому, И.Ф. Бутурлину, Н.И. Одоевскому, Ф.С. Урусову, окольников И.П. Головнину, И.Ф. Волынскому, М.С. Пушкину, стольникам князю А.И. Хованскому, князьям М. и В. Жировым-Засекиным, думным дворянам В.А. Змееву, Б.Ф. Полибину, А.И. Ржевскому, И.П. Кондыреву, думным дьякам В. Семенову, Е. Украинцеву. Она опиралась в основном не на родовитых бояр, а на «служилых людей», дворян.

Осенью 1682 года, перед самой коронацией царевичей, в Москве вспыхнул новый бунт – на этот раз недовольство высказывали старообрядцы. Им удалось снова возмутить стрельцов. Царскую семью и двор уведомили, что если кто-то из них заступится за церковные власти, то всем, начиная с юных царей, «от народа не быть живым». Софья усмирила бунт раскольников, действуя то хитростью, то силой. Она смело назначила «прение о вере» в Грановитой палате и там, втянув расколоучителей в яростный спор, проде-

монстрировала выборным стрельцам, что их новые лидеры – просто смутьяны и скандалисты. Прения затянулись до вечера, а ночью расколоучители, у которых почти не осталось сторонников, были схвачены и вскоре казнены.

Но Софья оказалась не только ловким политиком, умело соблюдающим баланс между различными партиями, но и талантливым экономистом. При ней в России утвердили единые стандарты мер и весов (1686 г.) и государственный тариф на ямские перевозки (1688 г.). Софья и ее сподвижники, Василий Голицын и Федор Шакловитый, совершенствовали систему законов по защите имущества подданных. Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. Русские войска вели битвы с турками в Крыму и на Азове.

Голицын сопровождал войска, а Софья писала своему любимцу трогательные письма: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божиею и Пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастием победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне, свет мой, веры не имеется што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу во объятых своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна,

однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, агце и грешная. Ей всегда того прошю, штобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе на веки неизгцетные. Аминь».

«Батюшка мой платить за такие твои труды неисчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...»

Первый поход оказался неудачным, войскам пришлось вернуться с полдороги. Во второй раз они перешли «дикую степь» и дошли до Перекопа. Заключили с ханом мир и вернулись в Москву, где их встретили, как победителей. Историки спорят о значении этих походов. Они считают, что торжественная встреча, устроенная царевной, не могли скрыть откровенного провала Голицына, другие же полагают, что Софья и в мыслях не держала захватить Крым, понимая, что в данных условиях он будет скорее обузой, чем приобретением, что ее целью с самого начала было припугнуть хана и

заставить его подписать договор о мире.

Зато Голицын позаботился о благоустройстве столицы. Князь Ф.А. Куракин, краевед и историк XIX века, писал: «В деревянной Москве, считавшей в себе тогда до полумиллиона жителей, в министерство Голицына построено было более трех тысяч каменных домов... Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными, с которыми и достиг правительственных успехов».

Правительница также вызвала из Гамбурга иноземца Захарию Павлова, желая развить в своем отечестве производство бархата, атласа и шелковых тканей. Она пригласила также изготовителей сукон и другого текстиля.

Софья по мере возможности способствовала смягчению дикой «азиатской» жестокости, царившей в русском законодательстве. В 1683 году правительство Софьи заменило смертную казнь за произнесение «непристойных и затейных» слов битьем кнутом и ссылкой, а в 1689 году была отменена казнь «окапываньем», то есть закапыванием в землю живьем, которая до этого применялась к женщинам, убившим своих мужей. «Однако же, – отмечает биограф Софьи, – так как немедленно после этого распоряжения правительству царевны Софии пришел конец, страшная казнь эта ее преемником была удержана». И действительно, английский посол в России Чарльз Витворт описал казнь через закапывание, свидетелем которой он стал уже в 1706 году.

В январе 1685 года Софья основала в Москве Славя-

но-греко-российскую академию. Поэт Сильвестр Медведев приветствовал это начинание: в своих стихах он воздает хвалу царевне за то, что та «благоволила нам свет наук явити». А побывавшие в Москве иезуиты дивятся тому, что царевна нисколько не чуждается латинского Запада. Одновременно с этим Софья, разумеется, оказывала всемерную поддержку официальной православной церкви и жестоко преследовала раскольников.

* * *

Но цари-наследники подрастали. Софья, естественно, отдавала предпочтение своему родному брату, Ивану Алексеевичу. В 1684 году она женила его на первой красавице двора – Прасковье Федоровне Салтыковой, надеясь закрепить власть Милославских рождением наследника. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки. Старшие, Мария и Федосия, умерли во младенчестве, а младшие, Анна, Екатерина и Прасковья, – это те самые «его величества племянницы», которые в 1725 году пойдут за гробом Петра следом за его дочерьми.

Но Наталья Кирилловна не собиралась уступать без боя. По словам историка профессора Е.Ф. Шмурло, «за царскую корону ухватились обе женщины: одна для сына, другая для брата, с тем лишь разве различием, что одна по чувству материнскому желала видеть эту корону на голове сына ради

интересов сына же; другая в брате видела орудие интересов личных... В сущности, обе стороны стоили одна другой. И если Софья очутилась в рядах нападающих, то ведь там, где идет борьба, надо же кому-нибудь нападать и кому-нибудь защищаться».

Наталья Кирилловна поспешила выбрать невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 года.

«Род же их, Лопухиных, был из шляхетства среднего, токмо на площади знатного, для того, что в делех непрестанно обращались по своей квалиты знатных, а особливо по старому обыкновению были причтены за умных людей их роду, понеже были знающие в приказных делех, или, просто называть, ябедники, – пишет князь Борис Куракин, в своем сочинении „Гистория о царе Петре Алексеевичей – Род же их был весьма людный, так что чрез ту притчину супружества, ко двору царского величества было введено мужеского полу и женского более тридцати персон. И так оный род с начала самого своего времени так несчастлив, что того ж часу все возненавидели и почали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы, и все им зла искали или опасность от них имели.

О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умом самых низких и не знающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики

б оный знали...

Е.Ф. Лопухина

Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжилась токмо разве год. Но потом пресекалась, к тому ж царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет, как впредь и гистории увидишь».

Молодая царица вскоре забеременела (в 1690 г. она родит сына – царевича Алексея). Петр, вероятно, не желая играть с судьбой в чет-нечет, решил взять власть в свои руки. Тем более что Софья постоянно пыталась приучить народ и бояр к той мысли, что именно она является законной правительницей Руси. Она давала аудиенции послам; она, подобно царям, допускала митрополитов к руке; она отмечала торжественными богослужениями 17 сентября, день своего тезоименитства; она совершала торжественный выход в храм и занимала там особое место. В 1684 году Софья повелела чеканить свое лицо на монетах и медалях, в 1685 году воздвигла себе новый каменный дворец, а с 1686 года официально приняла титул самодержицы.

8 июля 1689 года назначили крестный ход из Кремля в Казанский собор в память освобождения Москвы от поляков. Царь Петр прилюдно заявил сестре, что она не должна принимать участия в процессии, когда же Софья не пожелала его слушать, разгневанный Петр уехал в Коломенское. Царевна, опасаясь за свою власть и жизнь, решила снова обратиться к стрельцам, но те выказали мало воодушевления. Меж тем отношения между братом и сестрой продолжали накаляться.

В ночь на 7 августа Софья заперлась в Кремле и собрала под ружьем до 700 стрельцов. Напуганный Петр той же

ночью уехал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, где было собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и некоторые стрельцы. На сторону Петра перешел царь Иван. Петр писал старшему брату: «Теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему заторному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем... Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому заторному лицу государством владеть мимо нас!».

Софье отправили прямой запрос, чего ради она собирала ночью стрельцов. Она ответила, что эти войска должны были сопровождать ее в богомолье. В свою очередь, Софья послала к Петру князя Троекурова убеждать его вернуться, — царь наотрез отказался. Тогда царевна сама двинулась к Троице, думая уладить дело путем личного свидания с братом. Но послы Петра встретили ее и потребовали, чтобы она вернулась обратно, угрожая применить силу. Дорога от Воздвиженского, где находилась Софья, до Троицы лежит под огнем монастырских пушек; царевне оставалось только вернуться, горько жалуясь на свою неудачу оставшимся ей верными старым стрельцам. А в Москву уже явились сторонники Петра, требуя, чтобы им выдали приближенных Софьи. Особенную их ненависть вызывал начальник стрелецкого приказа Федор Шакловитый. Того же требовали у царевны и пока еще вер-

ные ей стрельцы, говоря о том, что пора прекратить смуту. Царевна отказалась выдать верного своего слугу и одного из лучших друзей, убеждая их, что злые люди хотят рассорить ее с братом и обвиняют Шакловитого из зависти к его безупречной службе. Она напомнила им, что управляла государством семь лет, приняв правление в смутное время, восстановила мир, поддерживала христианскую веру, защищала и укрепляла границы. Она поила их вином и водкой и умоляла остаться верными ей. Но стрельцы стали грозить ей мятежом. Обливаясь слезами, царевна поспешила приготовить Шакловитого к смерти; его причастили, и Софья своими руками отдала его стрельцам. Его отвезли к Петру, допрашивали, пытали, а позже отрубили голову.

7 сентября издан указ об исключении имени царевны Софьи из титула. Молодые цари заточили бывшую регентшу в Новодевичий монастырь, казнив ее приближенных.

* * *

Софье напомнила о себе в 1698 году, во время необычайного для русских людей путешествия царя Петра за границу. По Москве пошли слухи, что царевна говорила, будто Петр I не является ее братом, что в Европе его подменили. Выведенные из терпения действительно тяжелыми условиями службы, четыре стрелецких полка на пути из Азова к западной границе возмутились, подстрекаемые сподвижника-

ми Софьи. Но мятежников разгромили под Воскресенским монастырем. Царь Петр сам учинил допрос сестры, и та наотрез отказалась от всякого участия в мятеже. Легенда гласит, что, выходя из кельи Софьи, царь произнес с сожалением: «Умна, зла, могла бы быть правой рукой». Но даже если эта легенда правдива, то, несмотря на невольное уважение, выказанное сестре, Петр все равно повесил 195 человек под окнами Новодевичьего монастыря и не позволял снимать трупы на протяжении 5 месяцев.

Софью царь приказал постричь в монахини. Однако, и после этого, опасения Петра не успокоились, в монастыре постоянно находился отряд, который стерег «инокиню Сусанну», так теперь звали Софью. Князю Ромодановскому, которому вверили надзор за узницей, дали следующие указания: «Сестрам, кроме Светлой Недели и праздника Богородицына, который в июле живет (18 июля – Смоленской Богоматери), не ездить в монастырь в иные дни, кроме болезни. Со здоровьем посылать Степана Нарбекова, или сына его, или Матюшкиных; а иных, и баб, и девок, не посылать; а о приезде брать письмо у князя Федора Юрьевича. А в праздники быв не оставаться; а если останется – до другого праздника не выезжать и не пускать. А певчих в монастырь не пускать; поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют „спаси от бед“, а в паперти деньги на убийство дают».

Софья скончалась 3 (14) июля 1704 года и похоронена

там, где провела остаток своих дней, – в Новодевичьем монастыре, а не в Воскресенском монастыре в Кремле, где лежали остальные московские царицы и царевны. Спустя почти 100 лет другая царица – Екатерина II – скажет о ней такие слова: «Когда посмотришь на дела, прошедшие через ее руки, то нельзя не признать, что она весьма способна была царствовать».

Московские царевны и поездка в Парадиз

Рождение сына – царевича Алексея – давало младшему брату политическое преимущество перед старшим. Впрочем, пока он увлечен своими потешными полками и военными учениями и проявляет мало интереса к политике.

Историк С.М. Соловьев писал: «Семнадцатилетний Петр был еще не способен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился позже, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел».

Следующие несколько лет современники называли иногда «правлением царицы Натальи Кирилловны». Впрочем, тут же оговаривались, что новая правительница была ни мало не похожа на предыдущую.

«Сия принцесса доброго темпераменту, добродетельного, только не была ни прилежная ни искусная в делах, и ума легкого. Того ради вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину и другими министрам», – пишет Борис Куракин.

В 1696 году умер «старший царь» Иван Алексеевич, и его вдова Прасковья Федоровна вместе с тремя выжившими дочерьми – Анной, Екатериной и Прасковьей, соответственно

четырёх, трёх и двух лет от роду, – поступили под опеку Петра. Им отвели Измайловский дворец. Тихая и скромная вдовья царица была, вероятно, хорошим психологом и дипломатом – она быстро сдружилась с молодым царем и его сестрой. Кроме того, посредством браков своих дядей, а также родного и двоюродных братьев, Прасковья состояла в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими, поэтому обладала определенным политическим влиянием. В 1698 году вдовой царице нанес визит посол Римского императора. Благодаря этому визиту мы можем получить представление о том, как текла жизнь в Измайлове, когда там гостили обитатели Преображенского.

«За послом, – пишет секретарь посольства Корб, – следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов».

«Царевых племянниц» учили немецкому и французскому языку и танцам – вероятно, с прицелом на браки с иностранными правителями. Но царевны в иноземных науках так и не преуспели. Однако от своих планов Петр не отказался – неслучайно голландский живописец Корнелис де Брюйн, присланный Петром в Измайлово в 1703 году, пишет портреты царицы и царевен в европейских платьях.

Прасковья Федоровна

«Поговорив со мною часа с два, его величество, приказавший во все это время угощать меня разными напитками,

оставил меня, и князь Александр подошел ко мне, — пишет де Брюйн в своих мемуарах «Путешествие в Московию». — Он сказал мне, что царь, узнав, что я искусен в живописи, пожелал, чтобы я снял портреты с трех юных малых княжон, дочерей брата его, царя Ивана Алексеевича, царствовавшего вместе с ним до кончины своей, последовавшей 29 января 1696 года. Это, собственно, и было главным поводом, прибавил он, для чего я приглашаюсь теперь ко двору. Я с удовольствием принял такую честь и отправился с сим вельможей к царице, матери их, в один потешный дворец его величества, называемый Измайловым, лежащий в одном часу от Москвы, с намерением прежде увидеть княжон, чем начать уже мою работу. Когда я приблизился к царице, она спросила меня, знаю ли я по-русски, на что князь Александр ответил за меня отрицательно и несколько времени продолжал разговаривать с нею. Потом царица приказала наполнить небольшую чарку водкой, которую она и поднесла собственноручно князю, и князь, выпив, отдал чарку одной из находившихся здесь придворных девиц, которая снова наполнила чарку, и царица точно таким же образом подала ее мне, и я, в свой черед, опорожнил ее. Она попотчевала также нас и по рюмке вином, что сделали и три молодые княжны. Затем был налит большой стакан пива, который царица опять собственноручно подала князю Александру, и этот, отпивши немного, отдал стакан придворной девице. То же повторилось и со мною, и я только поднес стакан ко рту, потому что при дво-

ре этом считают неприличным выпивать до дна последний подносимый стакан пива. После этого я переговорил насчет портретов с князем Александром, который довольно хорошо понимал по-голландски, и когда мы уже собирались уходить, царица и три ее дочери-княжны дали нам поцеловать правые свои руки. Это самая великая честь, какую только можно получить здесь».

Екатерина Ивановна

Он оставил описание царицы и ее дочерей: «В это время я получил дозволение взять к себе на дом портреты молодых княжон, нарисованных мною в рост, для окончания. Царь приказывал мне несколько раз кончить их поскорее, потому что он должен был отослать куда-то эти портреты, но куда именно, я не знал. Я исполнил это приказание с возможной поспешностью, представив княжон в немецких платьях, в которых они обыкновенно являлись в общество, но прическу я дал им античную, что было предоставлено на мое усмотрение.

Перехожу теперь к изображению царицы, или императрицы, Прасковьи Федоровны. Она была довольно дородна, что, впрочем, нисколько не безобразило ее, потому что она имела очень стройный стан. Можно даже сказать, что она была красива, добродушна от природы и обращения чрезвычайно привлекательного. Ей около тридцати лет. По всему этому ее очень уважает его величество царевич Алексей Петрович, часто посещает ее и трех молодых княжон, дочерей ее, из коих старшая, Екатерина Ивановна, – двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, – десяти и младшая, Прасковья Ивановна, – восьми лет. Все они прекрасно сложены. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две – красивые смуглянки. Младшая отличалась особенною природною живостью, а все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательною. Любезности, которые оказывали мне при этом дворе в продолжение всего времени, когда я работал там портреты, были необыкновенны. Каждое утро меня непременно угощали разными напитками и другими освежительными, часто также оставляли обедать, причем всегда подавалась и говядина, и рыба, несмотря на то, что это было в Великий пост, – внимательность, которой я изумлялся. В продолжение дня подавалось мне вдоволь вино и пиво. Одним словом, я не думаю, чтобы на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным чело-

веком обращались с такой благосклонностью, о которой на всю жизнь мою сохраню я глубокую признательность».

Прасковья Ивановна

Петру не слишком нравился традиционный русский уклад Измайлова, где собиралось множество богомольцев, гадалок, странников и странниц, выдающих себя за «святых людей». Петр звал эти сборища «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов», но тем не менее он никогда не заставлял Прас-

ковью перенять европейские манеры и, по свидетельству современников, «советы и просьбы ее никогда не презирал».

В 1702 году Петр праздновал в Измайлове первую крупную в ходе Северной войны победу над шведами, царица Прасковья принимала у себя не только Петра и его сподвижников, но и иностранных дипломатов с женами.

В 1705 году размеренную жизнь подмосковных затворниц нарушило событие, наверняка породившее много сплетен и кривотолков. Датский посланник Юст Юль, путешествовавший в это время со двором Петра, так описывает случившееся: «Я ездил в Измайлово – двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми царевнами. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою Наталью Алексеевну, в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу».

В 1706 году Петр издал указ, согласно которому знатным московским людям надлежало переселиться в новую столицу. И одними из первых этот указ исполнили члены его собственной семьи. 22 марта 1708 года отправился в путь целый караван колымаг, повозок и подвод. Кроме сестры царя, царевны Натальи Алексеевны, и царицы Прасковьи с дочерьми, ехали царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, единокровные сестры Петра – царевны Марья и Феодосия, князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество именитейших сановников.

Путешествовали в каретах, которые представляли собой крытый кузов, подвешенный на ремнях или цепях, прикрепленных к высоким подставкам, которые покоились на передней и задней осях четырехколесного основания. В каждую карету было впряжено несколько лошадей: от двух – у простых путешественников, до двенадцати – у особ царской крови. Кучер сидел верхом, на одной из лошадей. В таких экипажах было удобно путешествовать по хорошим дорогам, но по бездорожью езда была очень тряской.

Кроме того, лошадей часто приходилось кормить и менять, также и люди нуждались в пище и отдыхе. Поэтому «караван» двигался медленно.

По суше путешественницы добрались до Шлиссельбур-

га – бывшей шведской крепости Нотебург. Здесь ожидал их Петр.

«Государь не токмо что сам страстную охоту к водяному плаванию имел, но желал также приучить и фамилию свою, – пишет царев токарь Андрей Нартов. – Сего ради в 1708 году прибывших из Москвы в Шлиссельбург цариц и царевен встретил на буерах, на которых оттуда в новую свою столицу и приплыл. И когда адмирал Апраксин, верстах в четырех от Петербурга, на яхте с пушечною пальбою их принял, Петр Великий в присутствии их ему говорил: „Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря и чтоб понарилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен часто бывать на море“.

Его величество подлинно сие чинил и многократно в Петергоф, Кронштадт и Кроншлот с царскою фамилиею по морю ездил, для чего и приказал для них сделать короткие ботроки (безрукавки. – *Е. Я.*), юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшие из Москвы и в вышепоказанном плаваннии находившиеся были: царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дочери его – царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны».

Вероятно, царицы и царевны впервые оказались в морском плаваннии, впрочем, оно протекало благополучно. А вот новая столица, уже прозванная «парадизом», то есть раем, встретила их неласково.

Маленький домик Петра I на Петербургской стороне, разумеется, не мог вместить царственных особ вместе со всей их свитой. Поэтому их поместили в доме губернатора. Цариц и царевен встречали праздничным салютом, потом начался пир.

Затем, далеко за полночь, утомленные гости уснули. В десятом часу утра их разбудил крик: «Пожар, пожар!». Вероятно, кто-то из пьяных гуляк, засидевшихся вчера за столом, ненароком поджег дом. Все люди спаслись, но большая половина верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками.

Стало ясно, что нужно обзаводиться собственным хозяйством.

Петр I отдал распоряжения о строительстве домов и повез семейство знакомиться с окрестностями города. Первым делом съездили в Кронштадт, полюбовались на строящиеся форты и верфи, затем выехали в Нарву, осмотрев по пути Копорье и Ямбург. В Нарве отпраздновали день ангела государя молебнами, пушечным салютом, фейерверками и снова торжественным обедом. Затем государь поехал далее, навстречу Полтавской битве, а женщины вернулись в Петербург.

Прасковья с дочерьми поселилась на Петербургской стороне, где в то время располагалась гавань, в которой теснились сотни кораблей из Ладogi, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами. Вероятно, ее дворец был

деревянным или мазанковым, как большинство домов в Петербурге. Ее ближайшими соседями оказались князь Меншиков, канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафиров. Рядом находился первый гостиный двор, сгоревший в 1710 году.

Позже семейству вдовой царицы выделили еще и загородное имение, названное в честь ее покойного супруга Ивановским. От него получила название и речка Ивановка, прежде называвшаяся Хабой (Наарајокі – Осиновка). Деревянный Ивановский дворец по меркам петровского времени был большим – на девять светлиц, и представлял собой двухэтажное здание с одноэтажными боковыми частями, вытянутое вдоль бровки террасы. Колонны подпирали балкон во всю ширину второго этажа. Дом стоял на обнесенной балюстрадой террасе, с обеих сторон которой возвышались восьмигранные двухъярусные беседки – люстгаузы. Рядом находились большой фруктовый сад и скотный двор. Русло реки запрудили и устроили мельницу.

Сестра и единомышленница

В первые годы после того, как Петр стал полновластным правителем, юной Наталье Алексеевне, по-прежнему жившей в Преображенском, вероятно, не хватало компании брата, когда у него появились свои, мальчишеские забавы, в которых она, как девочка, не могла принимать участия, поскольку в то время это считалось не уместным. Совсем одиноко ей стало, когда в 1694 году умерла Наталья Кирилловна, а в 1697 году Петр уехал с посольством за границу.

Позже у Натальи Алексеевны появился приемный сын – в 1698 году Петр заставил Евдокию Лопухину принять постриг, а образование и воспитание малолетнего царевича поручил сестре.

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья задумала новый проект. Вероятно, в детстве она не раз слышала от матери о необыкновенном развлечении, которым тешил ее царь-батюшка. И сейчас царская сестра решила организовать свой театр. Петр поддержал ее, приказав передать Наталье «комедиальное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенные несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами стали приближенные и слуги. В репертуаре были инсценировки житий святых и пьесы на сюжеты переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обита-

тели Измайлова.

Наталья Алексеевна

В новой столице Наталья Алексеевна поселилась тоже на берегу Невы, но в Литейной части, по соседству с Кикиными палатами, где тогда находилась Кунсткамера (ее дворец стоял на месте, где ныне проходит Шпалерная улица). Каменный дворец, построенный в 1714 году, состоял из трех кор-

пусов: главного, трехэтажного, и двух боковых, двухэтажных, расположенных в форме буквы «Г» и охватывавших широкий двор, где, очевидно, располагались служебные постройки: сараи, амбары, домики для слуг. При дворце находилась церковь, сначала домовая, а затем в отдельном здании, названная «церковью во имя Воскресения Христова, что за Литейным проспектом».

На участке Натальи Алексеевны по ее приказу построили еще и отдельное здание богадельни – это первая богадельня в Петербурге и одновременно первый «воспитательный дом». Сюда приносили всех подкидышей, или «зазорных детей», как их тогда называли. Также царевне пожаловали мызу Хотчино (современная Гатчина).

Переехав в Петербург, Наталья Алексеевна быстро «взялась за старое» – устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики. Петербургский театр тоже был любительским. Ее перу принадлежат «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драма «Действие о Петре Златые Ключи», которая рассказывала о пользе заграничных путешествий для молодых людей, желающих получить образование.

Герой пьесы, сын знатного француза Петр, страстно желающий поехать в «иные царства», обращается к своему отцу с такой речью:

*Намерен я, государь, о том вас просити,
Чтоб в иные царства от вас мне отбыты,
Где могу кавалерских дел я обучаться,
И народов чужих нравов насмотряся...
Где поживши немного и к вам возвращаюся, —
И себе многу славу могу заслужити,
Так что все царство будет меня чтити...*

Но не только страсть к наукам одолевает героя. «Действие о Петре...» – один из первых любовных романов, с которыми познакомилась русская публика. Петр и его возлюбленная Магилена наслаждались «речами любительными», «милым друг на друга зрением» и «великим веселием».

Большой популярностью пользовались сатирические интермедии, высмеивавшие страхи ретроградов, но одновременно распутство и мздоимство молодых петербургских чиновников.

Невозможно точно установить, как велика была доля участия Натальи Алексеевны в создании этих текстов. Возможно, она что-то переводила с иностранных языков, возможно, что-то сочиняла сама, возможно, в написании принимали участие другие члены труппы. В любом случае, театр жил и действовал, удивляя публику новым, невиданным еще развлечением.

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго, болезнь унесла ее в 1716 году. После смерти царевны более двухсот томов из ее личной библиотеки (очень значительное собра-

ние по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, театральная же часть ее была отослана в Санкт-Петербургскую типографию.

Незадолго до этого умерла Марфа Матвеевна Апраксина-Романова, вторая жена царя Федора III Алексеевича, бывшая царицей всего 71 день, а царской вдовой – 33 года. Наталья Алексеевна и Марфа Матвеевна похоронены в Петропавловском соборе.

Невеста для наследника

Согласно воле отца, старший сын Петра Алексей Петрович должен был, по примеру наследников правящих европейских домов, сочетаться браком с иноземкой. В 1711 году его женой стала 17-летняя принцесса герцогского дома Брауншвейг-Вольфенбюттельская Шарлотта Кристина София. Земельные владения ее родителей были невелики, но принцесса была весьма родовита. Ее старшая сестра Елизавета стала женой императора Австрии Карла VI; младшая сестра Антуанетта – герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской, выйдя замуж за двоюродного дядю Фридриха Альберта. Кроме того, София Шарлотта приходилась родственницей курфюрсту Ганноверскому – будущему королю Англии Георгу I. Она была светской и образованной девушкой, прекрасно владела французским и итальянским языками, знала латынь, играла на лютне и клавесине, отменно танцевала, рисовала и рифмовала стихи. Она не пришла в восторг от «московского сватовства», но покорно подчинилась воле отца и деда – герцога Брауншвейгского Антона Ульриха, желавших породниться с одним из могущественнейших государей того времени.

Свадьбу отпраздновали в саксонском городе Торгау, и поначалу молодоженам казалось, что им удастся полюбить друг друга. «Я нежно люблю царевича, моего супруга, – писала

София Шарлотта своей матери. – Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему в жертву или этим доказать ему мое расположение, и хотя я имею всевозможные поводы опасаться, что он меня не любит, – мне кажется, что мое расположение от этого еще увеличивается...».

Шарлотта Кристина София

Но эта иллюзорная страсть быстро рассеялась, и династический брак, связавших двух малознакомых людей, вырос-

ших в совершенно различных условиях, начал разрушаться изнутри. Царевич уезжал из дома, пьянствовал, изменял жене. Вскоре принцесса уже признавалась: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее чем когда-либо...».

Исполняя разные поручения отца, Алексей почти два года провел за границей. Наступило время вернуться в Петербург. Петр радостно встречал свою первую невестку— ту самую иноземку, через которую он породнился с правящими домами Европы.

Посол Австрии Плейнер писал своему императору: «Когда экипаж Шарлотты подъехал к Неве, к берегу подошла новая, красивая, обитая красным бархатом и золотыми галунами шлюпка. На шлюпке находились бояре, которые должны были приветствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берег. На этом берегу стояли министры и другие бояре в одеждах из красного бархата, украшенных золотым шитьем. Неподалеку от них царица ожидала свою невестку. Когда Шарлотта приблизилась к ней, она хотела, согласно этикету, поцеловать у нее платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцеловала ее и потом проводила в приготовленный для нее дом. Там она повела Шарлотту в кабинет, украшенный коврами, китайскими изделиями и другими редкостями, где на небольшом столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, на-

полненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это был подарок на новоселье, приготовленный царем и царицей для их невестки».

Церемонию встречи принцессы в российской столице возглавляла Екатерина, так как царь в это время воевал в Финляндии, а Алексей надзирал за строительством кораблей на Ладоге. С мужем Шарлотта увиделась только в середине лета. Алексей, боясь гнева отца, старался выказать жене всяческое почтение и даже заставил ее на короткое время поверить в то, что она любима.

«Царь меня осыпает ласками и милостями, – писала она матери из Петербурга. – Мне теперь не только правильно выплачивают четвертные деньги, но сначала я получала также всю нужную для меня провизию, а теперь мне назначено несколько имений для покрытия расходов по хозяйству. Эти имения отданы мне в полное распоряжение, и мне принадлежит даже судебная власть над ними. В них живет 600 душ, а скоро мне дадут еще 900, что составит вместе 1500. Впрочем, эти имения рассеяны по разным местам.

Царь во время своего пребывания здесь был очень ласков ко мне, он говорил со мной о самых серьезных делах и уверял меня тысячу раз в своем расположении ко мне. Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже мало-значущее, и я люблю его безмерно».

Однако вскоре неустроенная жизнь в Петербурге начинает надоедать ей: «Я никогда не составляла себе слишком выгодного мнения о России и ее жителях, – писала она отцу, – но то, что я увидела, превзошло мои ожидания. Нужно жить среди русских, чтобы их хорошенько узнать. Для того чтобы приобрести их расположение, необходимо сделаться русским и по духу, и по нраву, и даже в таком случае это не всегда удается... Они в высшей степени корыстны, и если одолжишь их чем-нибудь, то они полагают, что рассчитываешь на их благодарность, и тогда они начинают ненавидеть лицо, которое их облагодетельствовало. Доставив им какое-нибудь удовольствие, вы еще должны относиться к ним с той признательностью, которую могли бы от них ожидать, и благодарить их за то, что они приняли подарок, иначе они очень обидятся. Понятия их очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослужения и молитвы они ведут себя чрезвычайно легкомысленно, нечистоплотность их доходит до крайних размеров, нет области в Германии, жители которой не были бы образованнее русских, то есть тех из них, которые ничего не видели, кроме своей родины. Одним словом, это очень непривлекательный народ».

Семейная жизнь тоже вернулась в прежнее русло: «Один Бог знает, как меня здесь огорчают, и вы усмотрели, как мало любви и внимания у него ко мне, – признавалась София Шарлотта. – Я всегда старалась скрывать характер моего му-

жа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что это трудно себе представить и не передать словами, мне остается лишь одно – печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды...».

В 1714 году София Шарлотта писала матери: «Если б я не была беременна, то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...».

Она родила в 1714 году дочь Наталью, а год спустя – сына Петра. Вторых родов принцесса не пережила. «Иноземку» похоронили в Петропавловском соборе. Плейнер писал в Вену: «Ее смерти много содействовали разнообразные огорчения, которым она постоянно подвергалась. Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались после долгих хлопот и так скудно, что она никогда не получала более 500 или 600 рублей за раз, так что она постоянно нуждалась и была не в состоянии платить своим придворным. Она и ее придворные задолжали у всех купцов. Она также заметила зависть со стороны царского двора по случаю рождения царевича и знала, что царица тайно старается ей вредить. От всего этого она находилась в постоянном огорчении».

Петербургские царевны

Обустроив семейство в Петербурге, Петр занялся обустройством личной жизни. К тому времени Екатерина уже родила царю четырех сыновей и трех дочерей, но выжили только две девочки, Анна и Елизавета. Желая узаконить их рождение и вознаградить Екатерину за ее верную любовь, Петр обвенчался с ней 19 февраля 1712 года в Петербурге, в церкви Исаакия Далматского. Маленькие царевны ходили вокруг аналоя вместе со своей матерью и тем самым были официально признаны законными дочерьми Петра.

Жили царь с царицей, по всей видимости, в любви и согласии. Знаменитый историк Н.И. Костомаров в своей статье «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица» приводит целый список подарков и шуточных посланий, которыми обменивались царственные супруги.

Екатерина Алексеевна

«Когда государь находился за границею, Екатерина послала ему пива, свежепросоленных огурцов, а он посылал ей венгерского вина, изъявляя желание, чтоб она пила за здоровье, и извещая, что и он с теми, которые тогда находились при нем, будет пить за ее здоровье, а кто не станет пить, на того прикажет наложить штраф».

*Церковь преподобного Исаакия Далматского в 1710 г.
И. А. Клюквин. Конец 1850-х гг., по рисунку начала XVIII в.*

В 1717 году Петр благодарил Екатерину за присланный презент и писал ей: «Так и я посылаю отсель к вам взаимно. Право, на обе стороны достойные презенты: ты прислала мне для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей». Вероятно, «для вспоможения старости» Екатерина послала тогда Петру вина, а он ей каких-нибудь нарядов. В следующем году Петр из Брюсселя прислал Екатерине кружева, а Екатерина отдала его вином. Находясь в этом же году на водах в Спа, Петр писал: «Сего момента Любрас привез от вас письмо, в котором взаимно си-

ми днями поздравляете (то была годовщина Полтавской победы) и о том же тужите, что не вместе, так же и презент две бутылки крепыша. А что пишете для того мало послала, что при водах мало пьем, и то правда, всего более пяти в день не пью, а крепыша по одной или по две, только не всегда, иное для того, что сие вино крепко, а иное для того, что его редко». Сама Екатерина, показывая заботливость о здоровье супруга, писала ему, что посылает «ему только две бутылки крепыша, а что больше того вина не послала, и то для того, что при употреблении вод, чаю, не возможно вам много кушать». Супруги посылали друг другу также ягоды и фрукты: Екатерина в июле 1719 года послала Петру, находившемуся тогда в морском походе против шведов, «клубники, помегранцев, лимонов» вместе с бочонком сельдей, а Петр послал ей фруктов из «ревельского огорода».

Как заботливая жена Екатерина посылала супругу принадлежности одежды и белья. Однажды из-за границы он ей писал, что на устроенной пирушке он был одет в камзол, который она ему перед тем прислала, а другой раз, из Франции, он сообщал о получении посланного ему белья: «У нас хотя есть портомой, однакож вы послали рубашки». В числе презентов, отправленных Екатерине, один раз были его остриженные волосы, а в 1719 году он послал ей из Ревеля цветок мяты, которую прежде с Петром в Ревеле она сама посадила; а Екатерина отвечала ему: «Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек»».

В их браке рождались дети, но они не жили долго. Царевны Наталья Петровна и Маргарита Петровна не прожили и года. Затем появился долгожданный сын Петр Петрович (через 12 дней после дня рождения самого Петра). С тех пор Екатерина спешит сообщить своему «старикау» (прозвище Петра I) новости о «Шишечке» (прозвище Петра-младшего).

«Доношу, – писала Екатерина в августе 1718 года, – что за помощью Божиею я с дорогою нашею Шишечкою и со всеми в добром здоровье. Оный дорогой наш Шишечка часто своего дрожайшего папа упоминает, и при помощи Божией в свое состояние происходит и непрестанно веселится мунштированием солдат и пушечного стрельбою».

А позже намекает: «В другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая Шишечка на будущий год поспела!».

Несмотря на то что младший брат Петра Петровича Павел умер, прожив всего один день, Петр считал, что продолжение его рода обеспечено, поэтому, когда вскрылся заговор царевича Алексея, царь, не колеблясь, казнил старшего сына. Но бедный Шишечка умер через три месяца после казни старшего брата, и ближайшим кандидатом в наследники стал Петр Алексеевич. В том же году родился последний ребенок Петра – царевна Наталья Петровна, но ее появление на свет не могло утешить отца.

15 ноября 1723 года Петр I опубликовал манифест, в котором оповещал всех своих подданных, что, «по данному ему от Бога самовластию», намерен увенчать супругу императорской короной, так как она «во всех его трудах помощница была и во многих воинских действиях, отложив женскую немочь, волею с ним присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей армии, а от нее несомненно и всему государству». Церемония состоялась в Успенском соборе в Москве.

Однако в последние годы между супругами наступает некоторый разлад. Петр I никогда не отказывал себе в коротких интрижках на стороне. Но в 1724 году до него дошли слухи, что такую интрижку позволила себе Екатерина. «Героем ее романа» современники называли Вильяма Монса, камер-юнкера Екатерины, младшего брата Анны Моне, бывшей первой любовницы Петра. Монса казнили, обвинив в злоупотреблениях, голову казненного выставили публичной напоказ на вершине столба.

Костомаров сомневается в том, что Екатерина действительно вступила в любовную связь с Монсом. Он пишет: «Едва ли возможно допустить, чтоб Екатерина своим коротким обращением с Монсом подала повод к такой ревности. Допустим даже, что Екатерина не питала к мужу столько любви, чтоб такая любовь могла удерживать в ней верность к супругу; но то несомненно, что Екатерина была очень бла-

горазумна и должна была понимать, что от такого человека, каков был Петр, невозможно, как говорится, утаить шила в мешке и провести его так, чтоб он спокойно верил в любовь женщины, которая будет его обманывать. Наконец, и собственная безопасность должна была руководить поведением Екатерины: если б жена Петра позволила себе преступные шалости, то ей пришлось бы очень нездорово, когда бы такой супруг узнал об этом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.